

Скандинавия ЛС.

"Из сумного чуда безмятежно
горит мир, как осенняя гора"

Леонид Склифосовский

Кладбище самолётов

<https://litres.ru/74390473>

SelfPub; 2026

Аннотация

Там, где зияет Чёрная дыра, трещит по швам всемирный шов. Странные вспышки беззвучно зовут увидеть собственными глазами, что находится по ту сторону кротовой норы. Для экспедиции строят космический корабль "Одиссея". Фёдор, Юрий и Александра отправляются навстречу хрупкой надежде, что где-то там надорвано полотно мироздания. Но, заглянув в лицо самой смерти, они оказываются на пороге дома, где их встречают двойники.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Леонид Склифосовский

Кладбище самолётов

Глава 1

ДИРИЖЁРЫ ИЛИ ЖЕРТВЫ ВРЕМЕНИ?

Уже более семи лет астрономы фиксировали регулярные яркие вспышки в спиральной галактике. Она находилась в 40 миллионах световых лет от Земли. В центре её вращалась сверхмассивная Чёрная дыра, а вокруг неё – невероятно яркая звезда, чья светимость в момент вспышек превосходила сияние миллионов солнц, так что даже самые мощные земные лампы показались бы тусклыми искрами. Каждые 104 дня звезда подходила к чёрной дыре по эксцентричной орбите, и та отрывала от неё часть внешнего газа. Это вызывало мощную вспышку в рентгеновском и ультрафиолетовом диапазонах, которую земные телескопы ловили круглосуточно.

За семь лет, пролетевших как один миг, астрономы не только установили природу вспышек, но и подсчитали массу, которую звезда теряла при каждом сближении. Она составляла примерно 0,3% массы Солнца. Для гигантской звезды это была лишь тонкая внешняя оболочка, но в человеческом исчислении – три сотни масс Юпитера. Процесс

напоминал сбор воды из океана по капле: потери казались огромными, но звезда продолжала жить, возвращаясь к дыре снова и снова.

Однако спустя семь лет наблюдений спектрографы зафиксировали нечто, перевернувшее всё с ног на голову. В момент очередной вспышки, на фоне поглощаемого вещества, проявился слабый, но устойчивый сигнал с положительной энергией – словно из-за горизонта событий что-то выходило наружу. Это не было излучением аккреционного диска; спектральные линии указывали на выброс вещества, которого там не могло быть. Гипотеза советских астрофизиков Новикова и Кардашева о белых дырах – обращённых во времени чёрных дырах, являющихся «другим концом» кротовой норы, – получила неожиданное подтверждение. Сигнал шёл именно из той области, где, по расчётам, горловина могла соединяться с иным пространством.

Свет и частицы, приходящие из-за горизонта, несут искажённую информацию: они проходят через гравитационную линзу и теряют квантовую структуру. Для того, чтобы проверить информацию, наблюдений снаружи было недостаточно. Единственным способом убедиться, что белая дыра действительно существует и из неё можно выйти, стало решение отправить зонд (или корабль) внутрь Чёрной дыры. Смертельный эксперимент – пересечь горизонт событий и попытаться достичь горловины – но без него теория осталась бы лишь математической абстракцией

Астрономы сделали запрос в Государственную корпорацию по космической деятельности на финансирование исследовательского зонда и спустя некоторое время получили ответ с согласием и встречным предложением – построить не беспилотник, а пилотируемый корабль с экипажем-добровольцем...

Так выглядело начало статьи в новостной ленте, которую читал внимательный глаз человека. Сидя на заднем кресле в такси, он загадочно был залит светом, исходящем от экрана телефона. Ни радости, ни интереса не выражали его стеклашки. Пальцем человек смахнул вкладку, чтобы узнать время.

Шёл 2*** год, по календарю стоял конец марта. Снизу вверх поднимался жёлтый свет, рассеиваясь в чёрном небе, совсем немного не дотянувшись до луны. Ветер скользил по льду, обнявшему проспект, где-то рассыпавшемуся на снежные осколки, а где-то тёмным стеклом, отражавшим фонари. По замёрзшей дороге автомобили подъезжали к комплексу зданий в форме креста. Главным акцентом архитектурного ансамбля выступала возвышающаяся башня, напоминающая бетонный тюльпан, которую в темное время суток эффектно подсвечивали розовые и голубые огни. Основной четырехэтажный объём, установленный на одноуровневый стилобат, казался стремительным и легким за счёт плавного изгиба, повторяющего линию проспекта. Фасад был оформлен

ленточным остеклением с системой вертикальных солнцезащитных рёбер, которые спасали интерьеры от палящего зноя днём – в отличие от ночи, когда свет можно было поймать разве что в отражении лунного диска. Завершала композицию двухэтажная секция в форме «корабля»: она словно парила над землёй, опираясь на стройные высокие колонны, возвышающиеся над полуподземным ярусом.

Среди дорогих машин S-класса кружилось такси, не находя места, где можно было бы прибиться к бордюру.

– Остановите здесь, – учтиво сказал человек, выключив телефон. Жёлтый автомобиль притормозил практически у парковки. Из него, держа куртку в руках, вышел Персиков Фёдор Сергеевич в строгом иссиня-чёрном костюме. Он достал из кармана сложенные пополам купюры, различного номинала, предназначенные как раз для таких случаев, и, отсчитав нужную сумму, захлопнул дверь автомобиля. Его сразу же окутала зимняя стужа. Мужчина, не надевая куртку, поспешил внутрь здания, над входом которого висела аббревиатура «ЦНИИ РТК».

У гардероба Фёдор Сергеевич долго копался в карманах, чтобы достать всё и не забыть ничего из мелочовки. Ему не очень нравилось, когда оставались какие-то побрякушки, пусть даже и незначительные, в отделениях верхней одежды. Правда, пока он так задумчиво перекладывал вещи в портмоне, решая, куда лучше пристроить ту или иную вещичку или бумажку, его окликнул знакомый голос.

– О! Федя!

Мужчина обернулся и встретился с Ринатом Мадиевым, человеком смуглым и улыбчивым. Хотя улыбчивым не от чистого сердца. Он был одет в технический халат ввиду своей профессии инженера-конструктора. Сейчас Ринат, по-видимому, бежал из одного края здания в другой, потому что сегодня ему предстояло, во-первых, вести мероприятие, а во-вторых, представлять плод своих идей. Как воздух, ему необходимо было, чтобы всё прошло хорошо или даже идеально. Фёдору привычнее казался его вид в спецодежде с средствами индивидуальной защиты, нежели чем в халате с ручкой в кармане. Вообще мужчина не очень любил его компанию, потому что знал, что у него не было того туза в рукаве, который присущ инженерам: интеллект, финансовая стабильность и банальная честность. Конечно, подозрительным человеком Ринат был в представлении не только Фёдора, но и многих других коллег. Персигов предпочёл бы с ним не общаться, но, к сожалению, крепкие профессиональные узы не могли позволить ему такой роскоши. Да и к тому же все недостатки каким-то образом не мешали Ринату уверенно занять прекрасную должность.

Фёдор слегка обернулся к нему и знаком показал, что скоро подойдёт, но сначала сдаст куртку в гардероб. Получив деревянную табличку с номерком, он положил её также в портмоне. Ринат же решил не ждать и подошёл сам, чтобы перекинуться парой словечек и не тащиться на банкет, который

развернулся в соседнем зале, отделяемом от входа лишь тремя ступенями.

– Нормально добрался?

– Да, спасибо.

– Какой-то ты невесёлый. Настолько не рад своему полёту?

Фёдор лукаво ухмыльнулся, и поднял на него васильковые глаза, чтобы узнать, что творилось у того на лице, и заметил такую же ухмылку с нотками двусмысленности.

– Как я могу быть не рад? Не вижу повода грустить.

– Ты капитан, и должен поднимать боевой дух своей команды, а как же ты поднимешь его с такой кислой рожей? Ладно Юра! А Саша? Она вообще ко всему восприимчивая. – наигранно подбадривал Ринат.

– А вон, кстати, Юра, – бросил Федя в ответ, махнув головой в сторону банкета.

В толпе, далеко от них, стоял мужчина, окружённый пёстрыми дамами в вечерних платьях, и, кажется, находился в прекрасном расположении духа. В разговоре с девушками он держался так же легко, как покачивал бокалом шампанского в руке. Перед его обаятельным личиком тяжело было устоять. Но, в целом, сложно было утверждать, что он сливался с толпой. Черников Юрий Денисович держался с лоском, который выдавал в нем чужака: в этих краях так не одеваются и так себя не ведут. Покинуть круг лиц, его окружавший, или войти в него ему не представлялось проблемой, поэтому, за-

видев Фёдора и Рината, он сказал что-то нежное (и одновременно с этим учтивое) двум дамам и направился к мужчинам.

— А сколько осталось до начала? — поинтересовался тот, держа руку в кармане брюк, когда приблизился. Фёдор и Ринат взглянули одновременно на часы, однако Фёдор посмотрел на часы в зале, а Ринат на наручные, и одновременно продолжили:

— 28 минут, — сказал космонавт.

— Полчаса, — произнёс конструктор.

Они переглянулись.

— Ну да, 28 минут. — произнёс космонавт.

— Ну да, полчаса. — сказал конструктор.

Они засмеялись, когда оба были совершенно правы, но говорили при этом совершенно разными словами. Юрий Денисович тоже хмыкнул, показав свои зубки. Если писать о нём, как в протоколе, не стараясь выделить конкретные черты лица от ровного с опущенным кончиком носа до губ с пухлой нижней, то его портрет будет напоминать портрет Рината, хотя они совсем не похожи. Как минимум потому, что у Юры была какая-то необъяснимая любовь к сигаретам с кнопками и девушкам под шафе.

В отличие от Юрия и Рината Персикиов был светловолосым мужчиной с голубыми глазами, что, вероятнее всего, не потеряют своего цвета до глубокой старости. На левой стороне лица, как раз под одним из глаз, была маленькая ро-

динка. Его лицо более всех выражало доброжелательность и мягкость.

– А где Саша, Ринат? – вновь спросил Юрий и кинул мимолётный взгляд на Федю.

– Она скоро будет. Вероятно, в пробке стоит, – замолк он на секунду. – Ладно, скоро мероприятие начнётся, а я тут с вами болтаю. Пойду.

– Иди-иди, ещё увидимся, – произнёс Юра и, как только Ринат отвернулся, продолжил, смотря тому вслед, – Не научный центр, а лаборатория абсолютных неожиданностей, да?

Федя удивился словам компаньона от неожиданности, но, чуть погодя, раскусил их смысл и согласился:

– Да, понаберут по объявлению.

Фёдор хотел дочитать статью, но, к сожалению, алгоритмы давным-давно взболтали новостную ленту и искать её нужно было самому. Конечно, никто бы дальше не написал: «...спустя некоторое время получили ответ с согласием и встречным предложением – построить не беспилотник, а пилотируемый корабль с экипажем-добровольцем. *Тут уже, очевидно, у корпорации были свои планы на экспедицию*», – такое продолжение Фёдор уже успел сочинить в своей голове, когда вбил в поисковик легко запомнившееся название, и долистал до нужного места страницу:

«...так родилась миссия «bocetto 01». Для неё на околоземной орбите построили межзвёздный корабль «Одиссея». Вместо устаревшего «Мира» использовали новейший

модульный комплекс «Авангард», где к базовому блоку присоединили сверхпрочные защитные экраны, квантовые детекторы и гравитационный стабилизатор. Весь цикл жизнеобеспечения, навигации и управления ядерными импульсами замкнут на нейросети «Гефест»; людей на борту – не исполнителей, а мозгового центра – всего трое: пилот Персиков Фёдор Сергеевич, бортинженер Чантурия Юрий Денисович и инженер-исследователь Мадиева Александра Филипповна. Три имени против вечности.

«Одиссея» стала чем-то бóльшим, чем просто корабль. Её имя звучало на устах всех, кто причастен к этому дерзновенному проекту: конструкторов, астрономов, мечтателей. Оно стало символом пути – не мощёного идеалами, а пронзённого готовностью пожертвовать собой ради знания, как та звезда, что отдаёт свою плоть бездне».

....

Наконец открыли двери в зал заседаний и пригласили пройти на свои места. Александра Мадиева подросла как раз к этому моменту, вся покрасневшая с холода и очень взволнованная, потому что боялась опоздать. Но, когда её встретила команда, сразу же пришла в себя, встрепенувшись. Поприветствовав Фёдора и Юрия, она улыбнулась им губами, но в глазах читалась какая-то скрытая тоска. Такой взгляд у женщины появился ещё с начала строительства «Одиссеи». О причинах его появления догадывались все: её

муж – главный конструктор при строительстве корабля, и женщина уже очень давно страдала от одиночества, так как уже очень давно не случилось личных разговоров с близким человеком. Возникали между ними одни только деловые речи, которые за всё время подготовки скоропостижно возвели между ними стену.

Несмотря на затяжное меланхоличное состояние женщины, Фёдор заметил, что в её внешности произошли какие-то изменения. Он недолго думал над родом этих изменений и быстро их отыскал: нижние ресницы, никогда не затрагивавшиеся тушью, сегодня словно иглы обрамляли её глаза – это кого-то напомнило Персикову. Также она сделала мелирование, оттого на голове её рассыпались тонкие белые нити между тёмно-русыми волосами. Александра завораживала мужчин холодной красотой. Своеобразная снежная королева предстала пред ними в последний морозный день марта. В последний, потому что уже через неделю будет потепление. Весна придёт быстро, но экипаж встретит ясное тёплое солнце на Земле лишь в день полёта.

Матвеева вдруг начала рассыпаться в вопросах, где её муж, но кроме ответа, что он ушёл переодеваться и готовиться к мероприятию, ничего не могла получить. Возможность увидеть Рината могла случиться для женщины теперь непосредственно в актовом зале, что очень огорчило её.

– Пройдёте на мероприятие? – предложил Фёдор и, заметив опущенный в пол взгляд единственной женщины в ко-

манде, легонько толкнул её в плечо и ободряюще улыбнулся. Юрий уже ушёл вперёд и, заметив, что товарищи отстали, обернулся и спросил:

– Ну, где вы там?

– Идём, – кинул Фёдор, а потом услышал тихое «спасибо», и перед глазами пронеслась Александра, глядя не в сторону капитана, а в сторону Юрия.

Актовый зал был невероятно большим и выполненным в соответствии с советским реализмом: справа на стене у сцены вылеплен был профиль К. Маркса, а слева – В. И. Ленина. Сама же сцена была прикрыта занавесом, как лицо индийской красавицы под богатой тканью. Кресла в зале цветом никак не отличались от занавеса. Когда понемногу помещение стало заполняться людьми, Персики, Чантурия и Мадиева не спеша тоже зашли. Их места, прямо перед эстрадой, были за ними подписаны, поскольку все имели честь представиться самыми первыми лицами в будущей экспедиции. Но в самом центре должен был сидеть гендиректор Государственной корпорации по космической деятельности, по правую и левую руку от которого уже находились почётные гости.

Когда в зале оказалась вся масса пришедших, на сцене появился Ринат в тонкой белой рубашке, поверх которой был надет костюм тройка, а на шее красовался синего оттенка платок, который, впрочем, ему не шёл. С туманным взглядом мужчина посмотрел на публику и начал мероприятие.

Много воображая, он вёл себя так, будто всё, что происходило, относилось только к нему. Передавая кому-нибудь слово, Ринат был весьма доволен собой, получая его обратно.

Вскоре в зале появился гендиректор, чьё лицо, в большей или меньшей степени, было знакомо всем. Он был одет в превосходный серый костюм. Стараясь пройти как можно незаметнее на своё место, мужчина всё равно привлекал к себе большое внимание. Путь до кресла перед эстрадой наполнился приветствиями, вводившими в смятение гендиректора, кивавшему головой всем, кто с ним здоровался. Федя, Юра и Саша, встретившись с ним взглядами, одновременно улыбнулись, чуть-чуть наклонив головы.

Дождавшись тишины, Ринат продолжил:

– Теперь стоит перейти к насущному. Сегодняшнее мероприятие является, как вы знаете, заключающим, прежде чем мы совершим огромный прорыв в будущее космоса. Наша задача состояла в том, чтобы построить корабль класса «звездолёт» для исследования чёрных дыр, – по всему помещению пронеслась волна радостного шума. Однозначно, эти слова было приятно слышать всем, поскольку они ставили жирную точку с подписью «К полёту допущен» в первой части проекта.

– На экране представлено устройство корабля «Одиссея» в разрезе. Для создания на корабле гравитации его компоновка представляет собой вращающуюся конструкцию на магнитной платформе. В передней части располагается бы-

товой отсек (площадью 50 соток) и грузовой, за которыми находятся гидропонные оранжереи длиной в несколько километров.

– Для полёта важно было построить корабль так, чтобы использование отрицательной массы позволило компенсировать колоссальные инерционные перегрузки и эффективно управлять траекторией в экстремальных гравитационных полях, – гендиректор сразу поправил конструктора, чтобы тот вёл ближе к сути.

– Кхм, да! — согласился он, неприятно подумав, к чему его поторопили. – Для этого нужно было оснастить корабль следующим образом. – Картинка сменилась. – На внешней обшивке корабля должны располагаться камеры с конденсатом Бозе-Эйнштейна. Крайне чувствительный к гравитационному влиянию, выбивающему атомы из ловушки и препятствующему эффективному охлаждению, конденсат диктует согласованное движение атомов, благодаря чему формируется одна квантово-механическая волна. Для охлаждения конденсата предполагается использование реактора, созданного на основе разработок советского физика И. С. Филимоненко: специальный реактор охладит атомы металлов в конденсате, а специальная лазерная среда изменит спины атомов (то есть их вращательное движение, напоминающее движение маленьких волчков) тем самым создаст отрицательную массу конденсата. Вращение же резервуаров с конденсатом создаст сферу, экранирующую, отражающую и по-

глощающую электромагнитные волны при переходе из одной среды в другую, а также эффективно снижающую гравитационное воздействие на положительную массу корабля. Это позволит «Одиссее» пройти сквозь горловину кротовой норы, не будучи раздавленной приливными силами, и выйти через белую дыру за пределами рукава Ориона.

Разгон будет осуществлён с помощью ядерных взрывов на расстоянии в несколько километров от корабля. Корабль будет нести 320 тысяч ядерных зарядов, которые будут находиться в восьми контейнерах, оснащённых охлаждающей системой и револьверной подачей. Заряды выбрасываются из специальной установки со скоростью до 5 единиц в секунду. После взрыва плазма отражается искусственным магнитным полем, созданным специальной кольцеобразной установкой в корме, формируя реактивную тягу. Благодаря последовательности таких импульсов «Одиссея» ещё в начале пути достигнет скорости, составляющей 99,9999 % от скорости света. При таком релятивистском разгоне для экипажа пройдёт всего 33 года, тогда как на Земле сменятся более 1550 лет – ибо так велико расстояние до нашей цели, центра Галактики.

Для торможения в районе Чёрной дыры мы использовали тот же импульсный двигатель в обратном режиме: корабль должен развернуться кормой вперёд и сбросить оставшиеся заряды, создавая тормозной импульс. Дополнительно предусмотрена гравитационная праща у массивной звезды-компаньона, что позволит сэкономить топливо и точно выйти на

расчётную орбиту перед входом в горловину. А для финишного манёвра – пересечения горизонта событий – мы полагались не на сверхсветовую скорость (что невозможно по законам физики), а на эффект отрицательной массы: она делает корабль «прозрачным» для сингулярности, позволяя пройти сквозь кротовую нору, где топология пространства берёт верх над локальным движением.

Предусмотрена, конечно, защита от остаточной радиации ядерных двигателей и межзвёздного излучения и пыли. Для этого мы создали пусть и самую тяжёлую, но необходимую часть конструкции – защитный экран, весящий около 800 тонн. Обойтись без него невозможно. Помимо этого, оборудовали «зал собраний» и другие зоны для времяпрепровождения экипажа. В передней части корабля установлены несколько телескопов с 25-метровыми зеркалами и мощная радиоаппаратура для связи и исследований.

Дальше рассказ о корабле сломал бы голову, скорее всего, человеку, чьим другом когда-то стала не физика, а метафизика. Нет, уши бы нисколько не завяли бы от доклада, потому что каждое слово из-за своей теоретичности и научности звонкою чеканкой отбивало скороговорку прямо в ушах и не давало никому уснуть. Но все присутствовавшие – люди, несомненно знающие своё дело до мозга костей. У них вместо горной линии пульса, сердце стучит физическими и математическими формулами, соответствуя наклону косых линий в тетради первоклассника.

Мероприятие прошло хорошо. Даже слишком. Никто, разумеется, не отметил этой замечательной странности. Кажется даже, что весь вечер, будь он человеком, обиделся бы не безразличие в свою сторону.

Встав из кресла, Юрий сладко-сладко зевнул в предвкушении крепкого сна и уловил краем уха колыбельную в исполнении Фёдора:

– Спи, моя радость усни... В небе...

– А я злой вариант песенки знаю, – ухмыльнулся Юрий.

– Товарищ инженер, споёте его нам как-нибудь потом, – в ответ улыбнулся капитан, лёгким жестом показав знак «СТОП».

....

В этот день была чудесная погода: светило солнце, и небо всё расцветало лазурным цветом. На улицах было много людей – все смеялись и радовались. Экипажу устроили торжественные проводы: звучала музыка с пышными речами. Снимали телевизионные камеры, рядом суетились фотографы, чьи фотоаппараты поминутно трещали и вспыхивали мгновенным ярким белым фонариком, слепившим Персикова и его команду. Он взволнованно глядел по сторонам, махая рукой, и был приятно тронут светлыми лицами, пришедшими проводить его команду в дальний путь.

– Свидимся! Но сначала выдержим паузу для пущего эффекта, – смеялся Фёдор Сергеевич, выражая чистосердеч-

ную признательность. Юрий даже заметил слёзы на его глазах и ухмыльнулся тому, как может быть растрогано сердце взрослого мужчины. Бортинженер, как и штурман в лице Александры, стоял подле пилота, слушая его речь. Все трое держали под правой рукой шлем-каску, чувствуя локоть соседа.

Перед стартом к команде подходили люди, участвовавшие в создании корабля и разработке экспедиции, и просили автографы. Один из них, не найдя никакой бумажки, на которой можно было бы оставить заветную подпись, протянул Персикову свой паспорт. Автограф пришёлся как раз на то место, где стоял штамп о регистрации брака. Очень чуткий и простой в обхождении, Фёдор хотел сказать что-то вдохновенное этому человеку, но не успел, так как его, Чантурию и Мадиеву уже звали непосредственно на космодром, откуда на ракете они вознесутся на околоземную орбиту.

Всё было как во сне! Столько радостных возгласов, столько добрых слов, улыбок и счастливых лиц! Для всех троих это было в новинку: знать, что именно сейчас, в этот момент *все думают ими*. До этого полёты проходили обыденно и просто, а сейчас словно настало прошлое, и случается первый полёт человека в космос, хотя никто уже не испугается инверсионного облака, решив, что произошёл взрыв. Фёдора переполняли эмоции и его сердце всё не переставало замедлять при мысли, что вот-вот он будет среди звёзд бороздить космические пространства. Он не думал о том, что путеше-

ствие будет долгим и полным неизвестности, потому что рядом с ним будут его товарищи – Юрий и Александра.

Вот такими запомнились ему последние мгновения на Земле, когда он с компаньонами ехал в автобусе на гагаринский старт, где уже стояла ракета-носитель. Сквозь пыльные окна пробивались лучи солнца, и заря алела на лицах команды. Лёгкий апрельский ветер гудел где-то в форточке, а впереди виднелась дорога, залитая тёплым светом, стремительно уходящая яркой полоской к ракете. Теперь всё! Не время отступать!

Вспоминая об этом, Фёдор ещё долго чувствовал неожиданно разливающиеся в груди тепло. Ему хотелось улыбаться, но он постоянно сдерживался, чтобы эмоции фонтаном не стрельнули из его груди, рассыпаясь звёздным дождём во круг. Для Феди это было чем-то сокровенным, и он не хотел показывать своё лиричное отношение к великому полёту. Не всегда же должно быть одно восхищение и готовность к подвигу. Только вот Юрий совершенно не стеснялся своей беззаботной улыбки. В пылу воодушевлённости ему не было дела до мнения других. К тому же, блистательно скаля зубки, он заражал других своей лучезарностью, потому что всю дорогу Александра хохотала, пусть и очень скромно.

Однако, будучи в ракете, они посерьёзтели и вели себя соответственно. Шутки отошли в сторону, пока россыпь тумблеров и кнопок от лёгких движений рук включалась в общую систему ракеты. Руки Феди немного дрожали, но капи-

тан делал все свои движение настолько уверенно, что сомнения в крепости его духа тотчас же могли отпасть.

— Ключ на старт! — слова эхом отозвались в пламенных сердцах экипажа, натягивая нервы. Все затаили дыхание: вот-вот случится что-то невообразимое. И наконец: — Зажигание! — длиннющие языки пламени разом вырвались из сопла, сливаясь в один огненный букет. Всё вокруг затряслось, как в лихорадке. Непомерная тяжесть свалилась на их тела, когда корабль стал отрываться от стартового устройства. Сила тяготения не хотела их отпускать, но давным-давно человек возвысился над Землёй, потому и не было ничего необычного. Закончились радостные овации, только технические приборы издавали шумы, дребезжания и пиликания, создавая музыку, которую так любил Федя.

Наверху, в космосе, команда пересела на космический корабль. Изящные контуры «Одиссеи» сражали всех своей красотой. Не корабль, а самая настоящая Психея, которая вот-вот вспорхнёт бабочкой в объятия возлюбленного. И хотя вместо сердца у «Одиссеи» пламенный мотор, души в неё вложили не меньше, чем в стальную блоху.

«Земля», оповещавшая команду в ракете, сейчас вступила в разговор на корабле. Федя доложил:

— Проверка связи есть. Самочувствие у всей команды хорошее. Сердце бьётся нормально.

Объявили готовность к полёту. Пилот корабля начал раздавать поручения Юре и Саше о включении приборов. Уже

более новый пульт управления кораблём распластался под руками команды. Никакого кнопочного безумия: три телевизора и стройный ряд кнопок, некоторые из которых, впрочем, не имеют особой необходимости, потому что полностью повторяют функции тачскрина и наземного ЦУПа*. Когда всё было включено и подключено, пилот объявил об этом по связи:

– Исходное положение тумблеров на пульте управления заданное. Давление и пульс в норме, уровень стресса минимален. Перед выездом прошли полный предрейсовый медицинский осмотр, замечаний нет. К вылету готовы».

Юра стал тихим голосом звать капитана, чтобы тот обратил на него внимание. Но Федя отмахивался от него, как от мухи, надоедливо жужжащей практически у самого уха. Только вот муха была полосатой и жалила своим противным голосом, отчего пилот корабля нервно крутанулся к бортовому инженеру, всплеснув руками от негодования, и увидел, как тот, лукаво улыбаясь, аккуратно показывал ему три прихваченные втихаря пачки сигарет. Федя опешил, и из его груди случайно вырвалось осуждающее: «Приехали!».

– Фёдор, всё нормально? – поинтересовалась «Земля».

– Так точно. – капитан вернулся в исходное положение, показывая жестом Юре, что следит за ним, на что тот жестом ответил, что понял, бросив в сторону улыбку. Наконец «Земля» скомандовала:

– Подъём!

Фёдор стал отрывать «Одиссею» от станции. Корабль в отличие от ракеты совсем не свистел, не гудел, более того не дрожал всем своим корпусом.

– Попутного ветра! – произнёс генеральный директор волнительно и от того ещё и шутливо. Пилот привёл корабль в действие, и скорость начала поминутно вдавливать туши всей команды в кресла корабля. Так они, уверенные в себе, положили начало экспедиции "bocetto 01".

Куда? Куда они летели? У неба никогда не виднелось дна. Нырнув с головой, Человек шёл искать Человека. Когда-то, как семена, человечество распространялось солнечным ветром от звезды к звезде. Попад на пригодную для жизни планету, оно пустило корни. На Земле его беспощадно хлестали ветры и бури, топили моря, превращали в пепел жидкие огни, били падающие звёзды. Выдержав само время, потраченное на путешествие из одной системы в другую, не страшилось оно неуголовности природы.

Полёты в космос – это большой риск. Вероятность сойти с ума при виде больших пространств, отсутствия земных условий жизни и людей на протяжении ни одного года и даже ни одного десятилетия увеличивается в разы. Невесомость, радиация, отсутствие кислорода – чуждая среда для организма человека, в которой трудно выжить. Самое большое количество часов на орбите и в космосе в целом пробыл Персиков, но долгое приключение даже у него может вызвать дурную привычку – сумасшествие.

Для верности перед полётом команде предоставили запечатанные конверты. В них находились листы с математической задачей, индивидуальной для каждого. Решать их придётся вдалеке от человеческой цивилизации, когда корабль достигнет орбиты Чёрной дыры и будет готов к финальному манёвру.

Ответ на каждую задачу – это число. При сложении трёх чисел получается единый код. Именно он разблокирует гравитационный модулятор на корпусе «Одиссеи» – устройство, которое создаёт вокруг корабля локальную деформацию пространства-времени, позволяя пересечь горизонт событий без необходимости достигать невозможной сверхсветовой скорости. Модулятор как бы «раздвигает» сингулярность, превращая точку невозврата в горловину кротовой норы.

Если разум космонавтов не пошатнётся в одиночестве космоса, если они сохраняют ясность мысли через все 33 года пути, – задача будет решена. Код будет введен. И тогда «Одиссея» шагнёт за черту, где кончается физика и начинается чудо.

За иллюминаторами Земля становилась всё меньше и меньше. Чернота, пронизанная редкими точками далёких галактик, множилась, заполняя всё пространство окон. Громы усталости, накопленные за годы подготовки к полёту, не спешили уходить. Каждый из членов экипажа испытывал на себе столь странный эффект привыкания к работе, когда до-

вольно продолжительное время сложная задача живёт в нас, но после ухода не сразу отпускает мысли. Головой человек осознаёт, что свободу можно седлать, а организм его всё ещё погружен в постоянное напряжение. Тяжелее всех во время тренировок приходилось Юре, потому что экспедиция вынудила стать его космонавтом, когда он всю жизнь был лётчиком истребительной авиации. Как и пилот с инженером-исследователем, он приходил домой, не чуя ног, и валялся от усталости. Сил не хватало даже на то, чтобы поесть, но для поддержания организма в тонусе ему всё равно приходилось вставать с кровати, на которую он падал, только оказываясь на пороге дома, и брести на кухню.

Жаловаться на бессонницу никому из команды не приходилось: спали все как убитые. Даже в ночь перед днём полёта сон не будоражили представления о следующем дне. Никакие представления не сравнились бы с действительностью.

Первый год "Одиссеи" напоминал не закончившийся праздник, начатый ещё на Земле. Экипаж учился жить в невесомости, пока не раскрутил центрифугу до искусственной гравитации. Какое-то время все привыкали к глухим ударам ядерных взрывов за кормой, ритмично сотрясавших переборки корабля.

Саша с головой ушла в настройку научного оборудования. Она сутками пропадала в лабораторном отсеке, калибруя спектрографы и гравитационные детекторы, и лишь изредка выходила на связь с бортовым журналом: «Калибров-

ка завершена, датчики работают в штатном режиме».

На Юре было обслуживание реакторов и системы конденсата Бозе-Эйнштейна. Его рабочий день длился по шестнадцать часов: он проверял герметичность камер, следил за охлаждением лазерных установок и часто ругался с автоматикой, которая никак не хотела синхронизировать подачу зарядов с импульсами магнитного поля.

Как-то перед одним из ужинов Саша влетела в столовую со словами:

– Юра, ты снова поставил гидропонику на автопилот? У нас вторая смена помидоров засохла!

Товарищи встретили её сначала удивлёнными глазами, но потом Федя, ухмыляясь, посмотрел в сторону Юры.

– Саш, ну кто же знал, что они так чувствительны к вибрациям от зарядов? Я перенастрою систему, не кипятись, – отмахнулся бортинженер.

Несмотря на подобные стычки, Федя знал, что Юра и Саша быстро найдут общий язык. Помимо распределения вахты, проверки навигационных данных, Федя был связующим звеном между этими двумя. Быстро поев, он садился в угол, делая вид, что читает отчёты, а сам украдкой наблюдал за товарищами, которые шутили над одними и теми же техническими неполадками. Правда, очень быстро замечал, что смотрел лишь на *неё*.

Смотрел на то, как она поправляет прядь волос...

...как смеётся, запрокинув голову...

...как касается плеча Юры, когда хочет что-то подчеркнуть.

Опуская глаза в отчёты, Федя тяжело вздыхал, стуча ручкой по бумаге.

На третьем году полёта, когда экипаж решил отпраздновать «День Земли», Саша танцевала в центрифуге под старую музыку, которую принесла с собой. Юра кружил её, и она смеялась. Федя стоял в дверях, держа в руках стакан искусственного сока, и не мог оторвать от неё глаз. Когда она случайно пересеклась с ним взглядом, он быстро отвернулся, сделав вид, что проверяет показания датчиков.

– Федя, иди к нам! – крикнул Юра.

– Я... потом. Мне нужно проверить циклограмму ядерных зарядов, – развернулся и ушёл. И не в рубку, а в грузовой отсек, где перебирал контейнеры с запасными частями.

Там капитан сел на полу, закрыв лицо руками. Он ненавидел себя за эти взгляды, потому что был старше и был смешон с этой «детской влюблённостью». Чувства на него обрушились ливнем ещё с той секунды, как он увидел её на тренировке. Она стояла в своём дурацком скафандре, что-то доказывала инструктору, а Федя сразу понял, что инженером-исследователем возьмут её.

Он придумывал себе дежурства, которые не были нужны, лишь бы не сидеть с товарищами в общей гостиной. Он уходил в рубку управления, когда они начинали играть в шахматы, потому что не мог видеть, как она улыбается Юре.

К пятому году Федя научился жить с этой болью. Он выработал ритуалы: вставал на два часа раньше всех, чтобы не встречаться с ней на завтрак; всегда оставлял записи в бортовом журнале, когда остальные спали; делал вид, что увлечён расчётами траектории, хотя реально они были давно рассчитаны.

Ежедневно экипаж занимался двухчасовой тренировкой. Не только потому, что в условиях невесомости снижалась мышечная масса и плотность костей, но и потому, что физическая активность минимизировала риск развития депрессии. Правда, даже так монотонность в жизни приводила к зелёной тоске. Мысли об одиночестве, об изолированности вводили в состояние апатии. Избегая молчания, каждый в команде начал не нарочно озвучивать свои действия, свои планы. Не для других, а просто для самого себя.

Новые встречи и знакомства им заменили книги, которых, к счастью, было много. Каждый раз, заканчивая читать какой-либо текст, неважно научный или художественный, интересный или нет, члены экипажа сообщали друг другу о том, какую прочли книгу. Не стоило, конечно, считать это за рекомендацию, даже если книга была захватывающая, потому что они условились на молчании о своём мнении ровно до тех пор, пока другие два участника экспедиции не прочтут эту книгу. Заведомо известный сюжет мог привести к нежеланию читать тот или иной текст, что говорило о свободных минутах наедине с собой, которых стоило избегать, чтобы не

закопаться в размышлениях. Оттого самой, наверное, сложной внештатной ситуацией случилось быть четырёхдневной поломки связи. Тяжело было слышать, как с ними связывается Земля, но при этом не иметь возможности дать ответа, даже самого односложного. Благо, Феде и Юре привести в работу радиоаппаратуру получилось без особых проблем. Во время ремонта инженеру (и иногда Саше) приходилось слышать, как капитан читал себе под нос отрывки из какого-то стихотворения. Как догадался Юра (и весьма верно догадался), Федя начал учить стихи. Долго он не мог запомнить ритма стиха, только отдельные слова. Строчки явно не были отрывками тех отрывков, запомнившихся ещё со школьных времён и валяющихся в ящике памяти со всякою безделицей. Только однажды, когда он менялся с капитаном ночью для дозора, на кровати заметил сборник стихов Рождественского с закладкой на одной из страниц и, наконец, узнал, что бормотания капитана оказались прекрасными "Мгновениями".

Связываясь с Землёй, Федя стал находить свои действия просто смешными, потому что возникало чувство, будто мертвец обращается к людям, покамест остающимся в живых. Капитан замечал, что человек, которому докладывали о состоянии как корабля, так и команды, уже не раз менялся. В этом не было ничего странного. Через сто лет космос никуда не денется, следовательно, и те, кто занимается его изучением – тоже. Но как страшен этот ужасный, вселяющий ужас

поток времени! Там тоже были мертвецы!

Всё также Федя любил «Одиссею» и «сдувал с неё пылинки». Он не страдал из-за одиночества. Всё уже предопределено – ничего не попишешь. Но, когда мыслям всё-таки удавалось найти ход в душе Феде, он невольно сравнивал себя с незрячими людьми. По его мнению, причина, которая держала всех земных страдальцев, что испытали на своём веку боль от потери и утрат, – это желание видеть белый свет. Когда же человек слеп, мир перестаёт существовать, и причин прозябать на берегу Вселенной вовсе не остаётся. Невидящие меньше всех держаться за свою жизнь, потому что не созерцают жизненному круговороту. А Федя взглянул в самую суть положения дел и осудил себя до последнего своего вздоха на вечную темноту и холод.

К чему люди до последнего влачат на своих плечах бремя жизни, когда легче было бы сбросить всё и спокойно уснуть? Команда добровольно вышла на безлюдную и суицидную тропу космоса. К чему? Не они первые, не они последние способны заняться такой ерундой, как самоубийство. Странная штука понимать абсурдность принятых решений не сразу, а через время. Не только он, Федя, но и Юра с Сашей дали своё согласие на полёт по неизвестной причине.

Бортинженер никогда много не рассказывал о себе, а всё больше говорил об отстранённых вещах, не имеющих к нему никакого отношения. Эти белые пятна, правда, никак не мешали Феде считать бортинженера другом. Капитан без про-

блем видел его хорошие качества, о которых, впрочем, знал только сам Юра. Наверное, даже бортинженер заметил, что Федя понял его взгляд на мир, его странности и даже принял их. Лишь капитан мог использовать его дурость во благо, оттого Юра подчинялся его требованиям беспрекословно, так как был уверен в том, что Федя не мог посоветовать плохо-го. В общем сказать, друг к другу Юра с Федей испытывали большое уважение.

Но Юра скучал без людского общества. Именно в том проявлении, когда мимо глаз проносятся тысячи разных лиц. С точки зрения смертности, социальная изоляция подобна выкуриванию 15 сигарет в день. И теперь не курение убивало Юру, потому что три пачки сигарет он умело растягивал на целую жизнь. Настолько любил он этот яд, что даже придумал себе один день в году для выкуривания трубочки с табаком. Он ждал этого дня с огромным нетерпением, и никогда не позволял себе сделать это раньше, чем положено. Его выдержке стоило позавидовать, хотя многие назвали бы его психом или ещё кем похуже.

Примерно на восьмой год у Юры случился нервный срыв. Он пытался перепрограммировать навигационный компьютер, чтобы тот «показывал Землю», хотя это было невозможно: они улетели слишком далеко. Феде пришлось силой оттащить его от панели, пока тот вырывался и кричал:

– Пусти! Пусти, слышишь?! Мне нужно *её* увидеть!

Молча Федя взял его в объятия, похлопав по плечу. Сжи-

мая в руках комбинезон капитана, Юра порывисто дышал. Перед носом, словно пылая огнём, оказались вышитые на одежде слова: "Поехали". Бортинженер затих.

Через время затихло и радио. Одиссейцы знали, что так должно быть, но тишина в эфире оказалась тяжелее, чем любая катастрофа.

На двенадцатом году один из защитных экранов дал микротрещину от небольшого метеорита. Их облучило дозой, которая в земных условиях считается смертельной, но в космосе – «терпимой». Им пришлось заваривать экран в открытом пространстве. Они сделали это за 4 часа, но после Саша потеряла сознание от перегрузки и стресса. Её откачивали двое суток. Всё это время Федя не спал. Он сидел рядом с ней. Юра стоял у входа, сложив руки, и смотрел на спину капитана. А потом, морщась, качал головой и уходил, в мыслях добавляя их реплики, которым, видимо, никогда не суждено было прозвучать: "Прости, что я не сказал тебе на Земле. – Прости, что я не спросила тебя об этом раньше."

Когда Саша очнулась, первое, что она увидела – это осунувшееся лицо Феди, его покрасневшие глаза. Едва шевельнувшись, она тихим голосом произнесла:

– Выглядишь хуже меня. Шёл бы ты спать...

Впервые за много дней Федя улыбнулся и ответил:

– Вообще-то я должен доставить нас всех к Чёрной дыре целыми и невредимыми.

Она не поняла, что скрывалось за его словами, подумала,

что это просто долг. А он знал, что это не долг. Это была его личная, выстраданная, никем не разделённая любовь, которую он нёс в себе, как ядерные заряды, готовые взорваться, но он запрещал себе даже думать об этом.

Федя посмотрел на сухую женскую руку, свисавшую с края постели, сияющую не белизной, а одним лишь обручальным кольцом. Юра вернулся с водой, и капитан обернулся к нему. На смоляных волосах бортинженера в области висков Федя заметил седину. Вот и наступил момент в жизни каждого из троих на "Одиссее", когда многое заключалось в воспоминаниях. Под слоем припорошённого временем снега Саша и Юра раскапывали голубые небеса, не таявшие в глазах капитана. Они переглядывались, стараясь быть объективными во взгляде, говорящем об оставшимся за застенками понимании, что капитан от них как был, так и остался далеко. В его глазах оживали люди из воспоминаний, люди, которых уже не было в живых.

За тридцать лет эксплуатации кислородные фильтры изнашивались. Экипажу пришлось разобрать половину грузового отсека, чтобы пересобрать из резервных частей. Это заняло полгода. Они работали сутками, почти не разговаривая, но когда кислород восстановился, они впервые за 15 лет позволили себе алкоголь (сок, забродивший в бочке из-под гидропоники).

Юра тогда отошёл, придумав себе дело, чтобы оставить капитана и инженера-исследователя наедине. Его долго не

было, а разговор что-то как-то не клеился.

– Федя, – обратилась задумчиво Саша, крутя между пальцев кольцо, – Ты веришь, что нас кто-нибудь вспомнит?

Не ожидав от женщины такого вопроса, Федя вскинул брови, но ответил довольно быстро:

– Вспомнят. Правда, для них мы уже легенда. А легенды, знаешь, живут дольше людей.

– Я бы хотела, чтобы меня вспоминали не как героя, а как ту, которая просто хотела узнать, что там, за горизонтом, – прошептала она.

Вдруг в дверях появился Юра.

– Вам постелить в моём отсеке? – спросил он.

– А ты что, уже спать ложишься? – поинтересовался Федя.

– Нет, постель меняю.

Раньше они трое спали порознь, но потом, чтобы слышать дыхание друг друга, начали спать вместе. Это стало единственным доказательством, что они ещё люди.

– Ску-у-чно, – протянул Юра, когда сел рядом с ними и прокрутился в кресле с напитком.

– И что прикажешь делать? – поинтересовался ради шуток Федя.

– Если бы я сам знал. Когда каждый день становится копией предыдущего, жизнь превращается в сплошной «день сурка». Скука сменяется апатией, и в какой-то момент ты ловишь себя на мысли, что время просто утекает сквозь пальцы, пока ты следуешь расписанию. Жаль немного, что жизнь

заканчивается. Ещё столько всего хочется попробовать.

– Интересно, как там сейчас на Земле? – мечтательно расплылась в улыбке Саша, а потом ей вдруг словно осенило, – Юра, ты помнишь, как мы встретились на МКС? Ты тогда уронил гаечный ключ в шлюз, и я тебя чуть не убила.

– А я запомнил, как ты потом этот ключ поймала в открытом космосе. Ты улыбалась. Ты улыбалась даже в скафандре.

Федя, сидевший в кресле командира, слушал их и думал о том, что за 30 лет он так и не научился выражать свои чувства словами. Какое-то неясное смятение уже давно прослеживалось в их разговорах, ставших до такой степени короткими, что сердце замирало. Всё это значило одно: они понимали друг друга. Понимали, что грандиозный конец их жизни слишком печален, понимали глубокое чувство, которое носили в себе. К счастью или нет, но долгие годы, которые они разделили между собой наполнились забвением.

Перед сном, глядя в железный, трубчатый потолок, мысленно Федя, Юра и Саша произнесли «спасибо» за то, что они ещё живы, а также попросили сил и помощи, чтобы преодолеть следующий скучный день. Вряд ли в тот момент их мысли были направлены к Богу, потому что благодарность можно испытывать и без веры в него.

Бесконечные дни тянулись так долго, что у экипажа окончательно сбился режим дня: спать случалось гораздо больше и дольше, потому что время стало чересчур эфемерно восприниматься. Оставшиеся пару лет на пути к чёрной дыре

были самыми ясными, так как постепенно к ним приходило приятное чувство облегчения от того, что совсем скоро наступит конец; больше не придётся мучиться от ожидания.

Настало время вскрывать конверты.

«Одиссея» вошла в зону действия чёрной дыры, когда свет начал искривляться и пространство вокруг корабля потекло, как расплавленное стекло, они сели в круг. Юра начал решать свою задачу – это была квантовая головоломка, где нужно было вычислить вероятность туннелирования частицы через потенциальный барьер. Саше попаласть астрофизическая задача по орбитам звёзд вблизи фотонной сферы. Федя же получил навигационную задачу, связанную с искривлением пространства в пятимерной проекции.

Они решали молча, не глядя друг на друга. Слышен был только скрип карандашей по бумаге и тихое гудение реакторов.

Через несколько часов Чантурия поднял глаза:

– У меня получилось число 37. А у вас?

– У меня – 42, – сказала Мадиева.

– У меня – 25, – тихо произнёс Персиков.

Они посмотрели на сумму. То самое число. Период вспышек. Жертвенный цикл звезды, которая каждые 104 дня отдавала себя чёрной дыре.

Они ввели код. Затворка разблокировалась. Модулятор кротовой норы загудел, вибрация прошла по всему корпусу «Одиссеи». Экипаж всё сильнее стал замечать, как Чёрная

дыра меняла вид окружающего пространства. Цвета объектов сменились из-за того, что свет терял энергию при движении в сильном гравитационном поле. Чем ближе они становились к Чёрной дыре, тем больше свет смещался в красную сторону спектра, изгибаясь под воздействием гравитации.

Команда весьма логично предположила: с какой бы стороны они не подлетели, всегда выходил бы перед. Именно с такой точки зрения им стало видно свет вокруг Чёрной дыры, то есть фотонную сферу – область, в которой свет орбитирует вокруг Чёрной дыры. Внутри неё виднелась темнота, которая является горизонтом событий. Вне его начиналось искаженное изображение звёзд и галактик.

Если бы члены экспедиции могли посмотреть в этот момент на Чёрную дыру сбоку, то заметили бы, как она вытянула изображение объектов, которые находятся позади, потому что гравитация чёрной дыры неодинакова в разных точках пространства. Её стоит воспринимать, как кривое зеркало: чем ближе к центру Чёрной дыры, тем сильнее гравитация. Если бы члены экспедиции могли посмотреть на Чёрную дыру сзади, то увидели бы свои затылки, потому что свет от их голов также изгибается под воздействием гравитации Чёрной дыры и возвращается к ним же. Словно они смотрели бы в зеркало, которое находится за их головами.

Наконец вся команда почувствовала разницу во времени и силе гравитации между разными частями "Одиссеи" и собственного тела. Тяготение, оказываемое на ноги, многократ-

но превышало тяготение, действующее на голову. Гравитация усилилась, и время замедлилось. Юра взглянул на часы на запястье. Они шли привычно, отмеряя секунду за секундой. Но он знал: если бы он мог сейчас взглянуть на часы, оставшиеся на Земле, те бешено крутили бы стрелки. Их собственное время текло для них неизменно, а внешний мир – ускорялся. У горизонта событий, где гравитация искажает самый ход мироздания, их минута стала вечностью для тех, кто остался дома. И в этой тишине, когда каждая секунда казалась последней, они чувствовали, как сама реальность застывает вокруг них, словно время устало бежать. Последним, что увидела команда перед падением в горизонт событий, стал искажённый свет звёзд: он сжимался в ослепительно-белую точку, которая на миг вспыхнула синевой и погасла.

«Одиссея» пересекла горизонт событий, однако на радарх Земли, пристально следивших за экспедицией, точка корабля осталась до конца дней стоять на одном месте. Последний сигнал, поступивший с "Одиссеи", вошёл в историю человечества, как слова шагнувших в неизвестность во Имя Родины. Теперь слова эти можно встретить лишь в онлайн-сборниках «Пространство-время. От телескопа до марсохода», печатающихся бездушной рукой «в стол».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.